

Н. В. Стороженко
Институт философии РАН, Москва

Противоречия понятий запрета и непрерывности в философских работах Жоржа Батая

Жорж Батай исследует дуальность сакрального и профанного. Анализируя понятия двух различных сфер бытия, философ выводит родственные им категории непрерывности и запрета, через которые описывает всю динамику существования индивида. Оригинальность суждений автора обнаруживается в том, что в своем стремлении разграничить профанный и сакральный миры, он вводит разные категории, которые «разрывают» дуальность двух понятий и констатируют не просто амбивалентность объективного, а его динамическую субъективность. В этом состоит противоречивость понятий непрерывности и запрета. Однако противоречивость не исчерпывается лишь двойственностью каждой категории. Противоречивые взгляды автора также имеют значение. Таким образом, философия Жоржа Батая содержит в себе глубокий актуальный ресурс рефлексии.

Ключевые слова: сакральное, профанное, запрет, непрерывность, трансгрессия, длительность, категория, противоречие.

N. V. Storozhenko
RAS Institute of Philosophy, Moscow

Conflict of Taboo and Continuity in Philosophy of George Bataille

As for his contemporaries, Georges Bataille has carried research into duality of sacral and secular. To analyze sacral and secular Bataille determines related to them categories – continuity and taboo. He describes dynamic of individual being through these categories, in place where they meet. Author's main original approach is to find itself in its intension to demarcate sacral and secular worlds – he creates categories that tear apart duality of «sacral-secular» and state not only object ambiguity but also its subject dynamic. It brings conflict of continuity and taboo. However, conflict is not only determined by dualism of each category. Conflicting author's views also matter. Therefore, philosophy of Georges Bataille finds in itself a deep resource for further reflection.

Keywords: sacral, secular, taboo, Continuity, Transgression, Continuance, category, conflict.

Философия Жоржа Батая непростая и двусмысленная. Даже о значимости его творчества существуют противоречивые мнения. Так, великий Мартин Хайдеггер, к примеру, называет его «лучшей мыслящей головой Франции» [1, с. 1], тогда как не менее великий Жан Поль Сартр едко описывает философа терминами посредственного человека: «ходит на работу, занимает пост в Национальной библиотеке, читает книги, ест, не чурается женщин» [2, с. 1]. Противоречив Батай в глазах современников, противоречива его жизнь, противоречива философия. Вероятно, именно в этом и кроется секрет сложности его слога и системы повествования, а также возможности находить все новые преломления в размышлениях автора, которые позволяют через их призму рассматривать актуальные проблемы философской антропологии настоящего времени и находить новые ответы.

Проблема секуляризации общества, усугубляемая ускоряющимся техническим прогрессом, ставит перед современной мыслью задачу исследования предмета сакрального: его генезис, эволюцию в ответ на изменения, выводы и прогнозы относительно окончательного исчезновения (если такое возможно). Безусловно, сакральное не рассматривается отдельно без привязки к профанному. В современной философской антропологии можно выделить два основных научных подхода: когда сакральное рассматривается в качестве амбивалентного понятия, содержащего признаки профанного, и когда ему противопоставляется. Жорж Батай интересен тем, что он фокусируется именно на сакральном, выводя категорию профанного «в ответ» ему. Более того, автор в силу исторического контекста своего философского предмета не определяет роль субъекта, фокусируя внимание только на понятиях. Поэтому непростая философия, теоретически изучающая амбивалентное сакральное, оказывается еще более сложносочиненной. Вспомогательные категории непрерывности и запрета обнаруживают свою внутреннюю противоречивость и неоднозначность, что дает возможность выявить еще одну перспективу рассмотрения сакрального и «найти» субъект в философии Батая.

Как было сказано выше, основание учения французского философа выстраивается вокруг классического дуализма профанного и сакрального. Автор представляет их как свойства мира, описывая традиционными понятиями. Кратко и емко суть философской мысли выразила Н. Н. Ростова: «С одной стороны, разум, труд, порядок,

опосредованность влечений и дискретное существование, с другой стороны – ярость, хаос и непрерывность» [3, с. 62]. Внутри профанного и сакрального Батай помещает мир запретов и трансгрессии. По его утверждению, «профанный мир – это мир запретов. Сакральный мир открыт для ограниченной трансгрессии» [4, с. 536]. Запрет определяет рамки профанного мира, тогда как ограниченная трансгрессия дает возможность выхода за эти рамки – к сакральному. Под трансгрессией автор понимает «переход» – выход к границе возможного в человеке – через постижение внутреннего опыта, когда он соприкасается с состоянием непрерывности. Таким образом, запрет – это то, что не позволяет человеку полностью раствориться в непрерывности, структура, удерживающая животную ярость и аффективность в рамках сознательности и объективности. Это то, что констатирует разум человеческого существа. По мнению Батая, «если бы не было запрета, если бы запрет не доминировал, человек не смог бы достичь ясного и отчетливого сознания, на котором основана наука. Запрет устраняет ярость, а наши яростные движения ...нарушают в нас спокойный распорядок, без которого немислимо человеческое сознание» [4, с. 11]. Иными словами, запрет – это «ключ к нашему существованию как людей» [4, с. 514]. В свою очередь, непрерывность – это всеохватное глубокое чувство, основы которого всегда укоренены в бессознательном, аффективном. В нем кроется начало существа человека. Это первооснова животного и духовного одновременно, так как именно из непрерывности «выкристаллизовывается» «Я». Стоит полагать, Батай рефлексировал именно над тем чувством, которое в своих работах описывает Зигмунд Фрейд: «Наше нынешнее чувство “Я” есть лишь жалкий остаток первоначально гораздо более широкого, более того, всеобъемлющего чувства, которое и соответствовало внутреннему ощущению связности “Я” с окружающим миром» [5, с. 435].

Таким образом, ученый определяет бытие и антропологическую проблематику человеческого существа на стыке взаимодействия категорий непрерывности и запрета. Человек неоднороден и изменчив, именно рамки запрета и постоянная тяга индивида к непрерывности определяют динамику его жизни между сакральным и профанным мирами. Особенность философии Батая в том, что он предпочитает анализировать именно категории, в чем открыто признается: «Я не перестаю подчеркивать тот факт, что описы-

ваемые мною явления переживаются нами. И они не только переживаются. Я употребил термин существенный: полагаю, что в действительности эти феномены составляют самое существенное в наших переживаниях; если хотите, они – сердце нашего существования» [6, с. 101]. Он добавляет: «...но почему бы не признать, что у меня есть возможность заниматься феноменологией, а не наукой об обществе...» [6, с. 102]. Значение субъекта при этом остается в стороне, непроработанным. Другими словами, автор исследует противостояние категорий, определяя субъекту далеко не самую первую роль. Безусловно, он не теряет субъект и не девальвирует его значения, однако не дает ему собственной проблематики. Например, его современник Роже Кайуа решает схожую проблему, определяя именно человека в качестве главного существа, осуществляющего свой выбор: «... две пропасти, два умопомрачения влекут к себе человека, когда довольство и безопасность его уже не удовлетворяют, когда ему становится в тягость безусловное и осторожное подчинение правилу. Тогда он начинает понимать, что правило всего лишь является как бы барьером, что не оно само является священным, а именно то, что это правило делает недостижимым, что знает и чем обладает только тот, кто вышел за его пределы и нарушил» [7, с. 261–262].

Тем не менее Батай в своем анализе, опираясь на феноменологию, оказывается заложником противоречивости категории запрета и категории непрерывности. Так, сакральное и профанное традиционно поддерживаются понятиями структуры и антиструктуры, что также свойственно подходу автора в своих исследованиях. Однако само понимание непрерывности в той сложности, которую описательно стремится донести философ, не придерживается структурности. Так, Н. Н. Ростова замечает: «Батай осуществляет сакральное, или божественное, непрерывным неструктурным существованием, которое открывается трансгрессии запретов. Однако, оперируя оппозицией «сакральное-профанное», Батай вносит прерывистость в эту непрерывность» [3, с. 65]. По ее словам, «логике непрерывности противоречит использование Батаем оппозиции «сакральное – профанное», которое ведет к тому, что сакральное оказывается локализованным в пространстве и времени. Пределом сакрального пространства и времени оказывается область профанного» [3, с. 65]. Более того, категория запрета является структури-

рующей функцией именно субъекта, когда ограничения языка и детерминированность не дают возможности для поиска описательных схем и структур той категории непрерывности, которая может быть тождественна только самой себе. Как только она оказывается во взаимодействии или противопоставлении, утрачивается ее длительность и приобретает дискретность. Так происходит потому, что мыслящий субъект сам дискретен. Таким образом, Батай не может «достигнуть» непрерывности описательными инструментами, избежав противоречия. Проблематика структурности языка и его влияния на человека приобретет свою актуальность лишь через десятилетие после исследований французского философа, поэтому он стремится «преодолеть» ее другим способом: вводит вспомогательное понятие трансгрессии. Ученый говорит о том, что человеческое существо не может «раствориться» в непрерывности, не утратив себя окончательно, оно может лишь приблизиться к ней (соприкоснуться с сакральным), т.е. выйти к границе возможного в человеке. Батай указывает на то, что столкновение с непрерывностью всегда оказывается событийным, «точечным»: при помощи трансгрессии человек может пережить лишь временное соприкосновение с непрерывностью. Таким образом, истинное сакральное так и остается для него скрытым, поскольку полностью не постигается. Стоит полагать, именно это и формирует ореол таинственности всей категории мистического. При этом непрерывность бытия не может быть познана без дискретности. Батай поддерживает эту мысль своим пониманием трансгрессии. Он говорит о том, что человек может лишь ограниченно подходить к границе возможного, не теряя своего сознания и оценки объективного.

Категория запрета также оказывается внутренне неоднозначной. По утверждению философа, профанное структурировано запретом. При этом он не может существовать без непрерывности. Несмотря на то что запрет определяется как важная категория в формировании человеческого, авторские размышления выстраиваются в диалоге именно с непрерывностью. Категория запрета не получает того глобального значения, которое в философии Батай имеет непрерывность. В подтверждение он сравнивает категорию непрерывности с категорией длительности, проводя аналогии между субъектом и вещью, когда разум и структурное целеполагание отводятся в зону проекта и запрета. Длительность, суть

непрерывность, закладывается в самую основу человеческого. По его мнению, «объективное, в некотором смысле трансцендентное субъекту полагание мира вещей, основано именно на длительности; любая вещь может полагаться как нечто отдельное и обладать смыслом лишь при условии, что полагается некоторое будущее время, ради которого она и образуется как объект» [4, с. 69–70]. Таким образом, даже не отводя субъекту отдельной аналитической ниши, автор стремится к созданию структуры своего знания, однако не может нащупать устойчивой платформы. Именно поэтому, «связывая» непрерывность и запрет, философ снова вынужден вводить категорию трансгрессии, выступающую своего рода переходом человека от структурированного мира профанного к всепоглощающему и «непрерывному» миру сакрального. Однако трансгрессия возможна только благодаря человеку. Именно «отсутствие» субъекта в конечном счете, основываясь на внутренней противоречивости понятия запрета и понятия непрерывности, приводит к разрыву дуальности профанное – сакральное, которой тоже свойственна противоречивость. Противоречие имеет корни в неопределенности роли и значения субъекта во всей философии Батая. Как было указано выше, он осознанно на первый план ставит значение категории. Так, например, С. Л. Фокин пишет: «Отличительная черта творческой позиции Батая – ясное осознание разорванности собственной субъективности, собственной индивидуальности, о цельности которой не переставали заботиться многие его современники, хранившие верность определенным позициям» [8, с. 66]. По словам Д. Ю. Дорофеева, экстатичность человеческого существования сама уже по себе означает «выход из себя» навстречу иному, с пониманием того, что человека «нет в себе», откуда бы он выходил к другому, а он только и может быть перед другим, и в этой спонтанной открытости его бытие есть подлинно суверенное» [9, с. 5].

Проблема Жоржа Батая не столько в том, что он не определяет субъект как категорию, пусть даже во всей его разорванности, противоречивости и «отсутствии», сколько в том, что обходит эти попытки стороной. Вероятно, философ становится заложником собственной атеистической позиции. Как ученый, он стремится исследовать проблему сакрального и профанного во всей ее полноте. Поэтому, даже оставаясь в рамках атеистической перспективы, он не может оставить в стороне аспект веры субъекта. Анализируя его

через понятие религии, заведомо определяя ей место запрета, автор обходит стороной его прямую взаимосвязь с субъектом. Так или иначе Батай не желает преодолевать ту грань, за которой скрыт истинный субъект. Он исследует данность, явленную запретом. Поэтому неудивительно, что внимание философа сосредоточивается именно на категории запрета.

Как бы то ни было, внутреннее противоречие категории запрета и категории непрерывности, а также возникающая из этого противоречивость сакрального и профанного не исчерпывается их внутренней функциональностью и персональной позицией философа. Даже если «искусственно» устранить субъект, опираясь на феноменологическую точку зрения, мы обнаружим то, что запрет и непрерывность имеют абсолютно одинаковую основу, которая в терминологии Жоржа Батая может именоваться длительностью. Так, в своей философской работе «Внутренний опыт» он широко анализирует понятие проекта, которое суть структура человеческого существования. Поэтому, если запрет – это рамки профанного мира, то проект – это способ существования в нем. «Действие» находится в полной зависимости от «проекта». И что серьезнее, такое умозаключение само по себе связано с модусом существования проекта. Оно происходит от человека, связанного действием, вытекает из его проектов. Проект – это не только модус существования, предполагаемый действием, необходимый для него, это парадоксальная манера быть во времени: откладывание существования на потом» [10, с. 91]. Самое примечательное, что даже трансгрессия осуществляется через проект: «Внутренний опыт – это разоблачение покоя, это бытие без отсрочки. Принцип внутреннего опыта: выйти посредством проекта из области проекта» [10, с. 92]. Таким образом, запрет может быть определен понятием длительности, как и непрерывность. Следовательно, обе категории ограничены возникновением и устранением живого существа. «Лев не является царем зверей: в своей стихии он – лишь более мощная волна, захлестывающая остальные, менее крупные волны. Тот факт, что одно животное является пищей для другого, никоим образом не в состоянии поколебать фундаментальность положения о том, что всякое животное пребывает в своей среде, подобно потоку воды в водной стихии» [11, с. 16]. «Акты убийства, победы, совокупления вызывают чувство «трансценденции» только в человеческом мире благодаря

«объективации» другого в качестве пассивного объекта» [12, с. 35]. Таким образом, устранение субъекта не позволяет Батаю «расставить» свои категории «по местам», что и приводит к противоречию. Он вводит запрет и непрерывность для детального анализа дуальности профанного и сакрального. При этом каждая категория рассматривается феноменологически. Однако, если бы автор определил важную роль субъекта, он пришел бы к выводу, что сакральное и профанное – это, прежде всего, свойства предмета или явления, тогда как запрет и непрерывность – состояния субъекта, единые в его длительности. Именно состояние субъекта определяет амбивалентность в движении между сакральным и профанным.

Таким образом, Жорж Батай не может «избежать» субъекта в своей философии. Его осознанное игнорирование субъекта приводит к обнаружению внутренней противоречивости категорий непрерывности и запрета, что вызывает противоречивость дуальности профанного и сакрального. Стоит полагать, что проблематика современного времени расширяет для нас рамки учения Батая в отношении исследования субъекта. Возможно, знание его философии помогает нам найти такие преломления мысли, когда появляется перспектива смотреть на понятия профанного и сакрального не только через подходы амбивалентности и противопоставления, а через их объединение. Тогда мы встречаем еще более сложный субъект, когда само его противоречие вступает в противоречие с противоречием окружающего.

Библиографический список

1. Сперанская Н. Асепхале. От Диониса Ницше к «мистерии казни» Батая. URL: <http://www.imaginaire.ru/content/acephale-ot-dionisa-nicshe-k-misterii-kazni-bataya> (дата обращения: 26.08.2019).
2. Баух Эфраим. Иск истории. URL: <https://nice-books.ru/books/proza/istoricheskaja-proza/169594-efraim-bauh-isk-istorii.html> (дата обращения: 10.09.2019).
3. Ростова Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека : монография. М.: Проспект, 2017. С. 432.
4. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М: Ладомир, 2006. С. 742.
5. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. Основной инстинкт. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. С. 431–511.

6. Батай Ж. Влечение и отвращение II. Социальная структура. Коллеж социологии / сост. Дени Олье. СПб.: Наука, 2004. С. 100–114.

7. Кайуа Р. Двойственность Сакрального // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. С. 237–262.

8. Фокин С. Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 320.

9. Дорофеев Д. Ю. Саморастраты одной гетерогенной суверенности // Предельный Батай : сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 3–39.

10. Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с франц., послесловие и комм. С. Л. Фокина. СПб.: Аксиома. Мифрил, 1997. С. 366.

11. Батай Ж. Теория религии. Литература и зло / пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича. М.: Современный литератор, 2000. С. 352.

12. Zeynep Direk. Bataille on Immanent and Transcendent Violence // Bulletin de la Société Américaine de Philosophie de Langue Française. 2004. № 14 (2). P. 29–49.

References

1. Speranskaya N. *Acephale. Ot Dionisa Nitshe k «misterii kazni» Bataya* [From Dionysus Nietzsche to Bataille's «mystery of execution»]. Available at: <http://www.imaginaire.ru/content/acephale-ot-dionisa-nicshe-k-misterii-kazni-bataya> (accessed: 26.08.2019).

2. Bauh Afraim. *Isk Istorii* [The history claim] Available at: <https://nice-books.ru/books/proza/istoricheskaja-proza/169594-efraim-bauh-isk-istorii.html> (accessed: 10.09.2019).

3. Rostova N. N. *Isgnanie Boga. Problema sakralnogo v filosofii cheloveka: monografia* [The expulsion of God. The problem of the sacred in human philosophy: monograph]. Moscow, Prospekt, 2017, 432 p. (In Russ.)

4. Bataille G. *Erotika* [Erotika]. Bataille G. The cursed part: Sacred sociology. Moscow, Lodomir, 2006, 742 p. (In Russ.)

5. Freud S. *Neudovletvorennost' kulturoi, osnovnoi instinct* [Dissatisfaction with culture, Basic instinct]. Moscow, Olimp; AST-LTD, 1997, pp. 431–511. (In Russ.)

6. Bataille G. *Vlechenie I otrvrasenie II. Socialnaya struktura. Kollezh sociologii* [Attraction and aversion II. Social structure. The College of sociology] sost. Denis Hollier. SPb. Nauka, 2004, pp. 100–114 (In Russ.)

7. Roger Caillois. *Dvoistvennost' sakralnogo. Kollez sociologii* [Duality of the Sacred College of sociology]. Saint-Petersburg, Nauka, 2004, pp. 237–262 (In Russ.)

8. Fokin S. L. *Filosof-vne-sebya. Gorge Bataille* [The philosopher is beside himself. Gorge Bataille. Saint-Petersburg, Isdatelstvo Olega Abishko, 2002. 320 p. (In Russ.)

9. Dorofeev D. U. *Samorastrati odnoi geterogennoi suverennosti* [Self-expenditure of one heterogeneous sovereignty]. *Predel'nyi Bataille : Sb. statey*. Saint-Petersburg, Isdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006, pp. 3–39 (In Russ.)

10. Bataille Gorge. *Vnutrennii oput* [Inner experience]. Per. s franc. S. L. Fokina. Saint-Petersburg, Aksioma, Mifril, 1997, 366 p. (In Russ.)

11. Bataille Gorge. *Teoria Religii. Literature I zlo* [Theory of religion. Literature and evil]. Per. s franc. G. Gaikovoi, G. Mikhalkovicha. Moscow, Sovremenni literator, 2000, 352 p. (In Russ.)

12. Zeynep Direk. Bataille on Immanent and Transcendent Violence. *Bulletin de la Société Américaine de Philosophie de Langue Française*, 2004, no. 14 (2), pp. 29–49.